

Оглавление

	Михаил Жванецкий. Предисловие	6
	От автора	9
<i>Глава 1</i>	Детство	13
<i>Глава 2</i>	В поисках точки опоры	31
<i>Глава 3</i>	Варианты и прогнозы	49
<i>Глава 4</i>	Август 1991-го	89
<i>Глава 5</i>	Накануне...	113
<i>Глава 6</i>	Первый шаг — он трудный самый	139
<i>Глава 7</i>	Суровая зима 1991-го	179
<i>Глава 8</i>	Сбывшийся прогноз	205
<i>Глава 9</i>	Отставка	245
<i>Глава 10</i>	Двоевластие	267
<i>Глава 11</i>	Схватка	299
<i>Глава 12</i>	Время упущенных возможностей	327
<i>Глава 13</i>	Демократия на фоне Чечни	357
	Заключение	394
	Список источников иллюстраций	396

Предисловие

Стыдно за себя.

Ты пользуешься результатами этой великой жизни.

Этого великого дара предвидеть и предчувствовать.

Стыдно видеть на тротуарах нестоптанные ботинки,

на мостовой — прекрасные машины,

в магазинах и ресторанах слышать: «Заходите! Будем рады!»

И еда, еда...

Ее так много, что развивается безвкусица в театре и на экране.

Одежды так много, что обсуждается каждый поясок или

оттенки баклажанного цвета дамского пальто.

По телевидению несчетные потоки завтраков и обедов,

вызывающие раздражение отсутствием серьезных проблем.

Конкурсы сыров, медов, диет.

Рецепты похудения и здоровой жизни.

Обсуждения, как обставить дом, квартиру,

как уменьшить скопления машин...

Господи! Вот вам наши проблемы, наши банкеты,

наши речи и юмор, пустой, как стол после банкета.

Казалось бы, где страдания? Где мудрость?

Где массовые стройки с обедом: хлеб и бутылка молока?

Где фильмы о веселых поездках на целину? С луковицами,

загримированными под яблоки. Чтоб актеры не ели, но могли откусить.

Где умные головы, выбивающие в командировках дефицит?

Где такой массовый романтический уход из жизни в 58 лет?

Это все есть в этой книге, но уже нет в нашей жизни.

Последний голод.

Последняя нищета премьеры.

Нам теперь остается только проклинать глупую развлекуху телевидения,

книжные фантазии, подрывы благополучных благополучными,

попытки внести кровавое разнообразие в долгие каникулы.

Кому теперь стыдно пригласить иностранца в Москву?

Кто стесняется своих сорока долларов в Париже?

Пропало наслаждение заграничной литературной
жизнью в запертой, голодной стране.
Под этой обложкой человек, который своей короткой жизнью
продлил жизнь людей в этой стране, наполнил аптеки,
освободил нас от доставания самого насущного.
Эти проблемы ушли из квартир и перешли в кабинеты.
Проблемы перестали быть унижительными.
Появилась борьба с коррупцией, которой мы гордимся.
Борьба с хранением денег в чужих банках.
Отслеживание нетрадиционной любви и тяжелая схватка с геями.
Мало ли что возникает у сытых людей.
Даже войны.
Под этой обложкой человек, который впервые в СССР
не обманул, дал каждому то, что тому смертельно
недоставало — человеческое существование.
Он сделал наш язык переводимым, книги
понятными, нас — гражданами мира.
Заплатил очень дорого.
Заплатил атмосферой ненависти, непонимания вокруг себя.
Вот все, что он получил при жизни и получает до сих пор.
Сегодня идет очень результативная борьба за возвращение прошлого.
За возвращение женщин в литейные цеха.
Хороших новостей в программу «Время».
И в оборону...
Видимо, низы сошлись с верхами.
Когда есть главное, хочется чего-то еще...
Конечно интересно, как будет выглядеть советская власть в новой России!
Настолько трудно себе ее представить снова в этой стране,
как представить висячий замок на компьютере.
Гениальный человек дал миру планшет.
Наш гениальный человек дал нам все остальное.
Разница между ними только в том, что наш рисковал
и до сих пор рискует своей жизнью.
Может, потому, что многим стыдно за себя.
Да, наши уехавшие выглядят счастливыми.
Но наши оставшиеся перестали быть несчастными!
Все!
Я ему рассказал о нас.
А сейчас он расскажет нам о себе.

Михаил Жванецкий

Но поражения от победы
ты сам не должен отличать.
Борис Пастернак

От автора

Эту книгу я начал писать в конце января 1996-го. Коммунисты только что триумфально выиграли выборы, рейтинг Ельцина, казалось, полностью утратившего связь с избирателями, опустился почти до нуля. Возможности предотвратить победу Зюганова — более чем призрачны.

В том, что ждет меня при победе коммунистов, иллюзий не возникало, достаточно было просмотреть любую из близких к ним газет: имя мое входило в каждый сколь угодно краткий список главных врагов народа. Был убежден, что на этот раз коммунистический эксперимент не затянется, но экономику они развалят быстро, а значит, враги народа, на которых можно свалить вину за это, потребуются незамедлительно. Твердо решил, что из страны в любом случае не уеду, не могу доставить коммунистам такого удовольствия. А книгу начал писать. Ведь потом, после того, как все это рухнет, страна вновь окажется в хаосе между неработающим рынком и неисполняющимися приказами, подобном тому, в каком уже была в 1991-м. Кому-то вновь придется брать на себя ответственность, пытаться создать базу устойчивого развития России на основе рынка и частной собственности. Тогда пригодится опыт наших побед и поражений.

Наверное, если бы знал, когда садился за книгу, как повернутся события на протяжении следующих месяцев, написал бы иначе или вовсе не начал бы — странновато работать над мемуарами в сорок лет. Сейчас, летом 1996-го, после победы Ельцина на выборах, перечитав рукопись, решил все-таки ее опубликовать. За время работы успел убедиться, каким количеством мифов, укоренившихся в публицистике, в общественном сознании, даже в школьных учебниках, успели обрести последние пять драматических лет российской истории.

Знаю об этих годах не понаслышке и больше многих. Думаю, имею право поделиться своим видением происходившего. В предыдущей книге «Государство и эволюция» (1994) я попытался показать связь социализма

с экономической историей России, причины его упадка и крушения. Теперь же решил сосредоточить внимание на бурных событиях начала 1990-х годов.

На мой взгляд, то, чему мы в это время стали свидетелями, было революцией, сопоставимой по своему влиянию на исторический процесс с Великой французской революцией, Русской революцией 1917 года, Китайской — 1949 года. Страна пережила крах основных экономических и политических институтов, радикальные изменения социально-экономического строя, доминирующей идеологии.

Слово «революция» звучит романтично. Но она всегда трагедия для страны, для миллионов людей, это огромные жертвы, социальные и психологические перегрузки. Сама революция — жесткий приговор элитам старого режима, расплата за их неспособность своевременно провести необходимые реформы, обеспечить эволюционное развитие событий. Когда сейчас перечитываю работы по истории великих революций прошлого, в глаза бросаются очевидные параллели с тем, что произошло у нас. Развертывание финансового кризиса во Франции в конце 80-х годов XVIII века, при всем очевидном различии уровней экономического развития, поразительно напоминает историю развала советских финансов. Пережив продовольственный кризис зимы 1991–1992 годов, куда лучше понимаешь, что происходило со снабжением российских городов в 1917–1921 годах.

Распространенной ошибкой при обсуждении проблем новейшей российской истории является смешение ключевых вопросов, решавшихся на ее отдельных этапах. Разумеется, не претендуя на истину в последней инстанции, выскажу свое мнение о том, как мне видится периодизация происходившего.

1985–1991 годы — обостряющийся кризис социализма. Главная проблема — сумеет ли коммунистическая элита справиться с этим кризисом, направить развитие по эволюционному пути, предотвратить социальный взрыв.

Август 1991-го — октябрь 1993 года — революционное крушение старого режима и борьба за стабилизацию институтов нового. Главная проблема — удастся ли предотвратить продовольственную катастрофу и полномасштабную гражданскую войну, сформировать дееспособные политические и экономические институты гражданского общества.

Октябрь 1993-го — июль 1996 года — стабилизация послереволюционного режима. Главная проблема — удастся ли остановить неизбежную и мощную волну контрреформации, порожденную тяготами пережитых лет, не допустить радикальной ломки сформированных рыночных и демократических институтов.

Июль 1996 года и далее — восстановление экономического роста на рыночной и частной основе. Главный вопрос — какой капитализм мы получим: бюрократический, коррумпированный, где острое социальное неравенство

порождает волны социально-политической нестабильности, или цивилизованный капитализм, подконтрольный обществу. Именно этот выбор, как мне кажется, будет стержневым в российской политике на ближайшие годы.

Разумеется, этапы, которые я обозначил, не разделены жестко. И все же выделить стержневые вопросы, на мой взгляд, важно — без этого трудно понять логику происходящего.

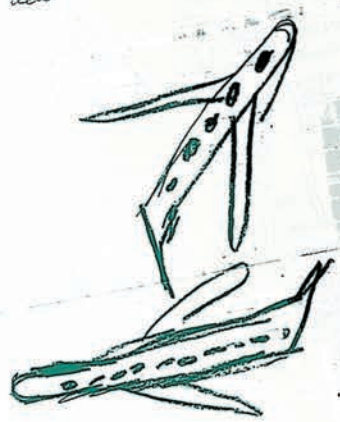
Эта книга не претендует на политико-экономический анализ постсоциалистической трансформации, детальное изучение стратегий реформ, примененных в различных странах, их результатов. Здесь мне хотелось рассказать, как видел все происходившее молодой ученый из интеллигентной московской семьи, волею судьбы втянутый в круговерть новейшей российской истории. Надеюсь, что это поможет лучше понять, о чем я и мои коллеги-единомышленники думали, чего опасались и на что надеялись, когда разрабатывали и проводили в жизнь стратегию и тактику рыночных реформ в России.

21 мая 1974
 В Комитет партии
 коммунистов
 Прошу принять меня
 в Арзамасскую агро-
 Зап. Р. К. П.
 Ручка за мн
 таб. 175
 В. А.

Гайдар

1

Куба 1962
 Карбонный кристалл
 Виски 6 лет

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПРАВЛЕНИЕ

Тел. А 2-14-21

Москва, ул. Воровского, д. 52

№ 0 К - 626

14 июля 1974

В ВСЕЛКОМАТ

Красногвардейского р-на г.Москвы.

тов. Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович
 орденносец, талантливый писатель
 активный участник гражданской войны, офицер
 полка, сержант от во
 лезни, в
 екторов

Детство

Дедушку вашего знаем. А вы кто такой? •

Два Аркадия Гайдара • Павел Бажов • Куба • Югославия •

В роли бухгалтера • Летние каникулы •

Дочь любимого писателя • Странное слово «инфляция» •

Вторжение в Чехословакию • Конец детства

Первый вопрос, который мне задали на Верховном совете РСФСР сразу после назначения вице-премьером российского правительства, если не ошибаюсь, звучал так: «Ну, дедушку-то вашего все знают. А вы что делать собираетесь?» Бесконечное количество раз потом приходилось выслушивать упреки коммунистов в том, что отрекся-де от того, за что воевал и погиб дед Аркадий Петрович Гайдар, за что боролся мой отец Тимур Гайдар. Не могу не признать: история страны действительно причудливо переплелась с нашей семейной историей. Аркадий Гайдар для меня с детства существовал как бы в двух образах. Один был неотъемлемой частью коммунистических святцев: отряд имени Аркадия Гайдара, дружина имени Аркадия Гайдара, школа имени Аркадия Гайдара, пионерлагерь имени Аркадия Гайдара. Аркадий Гайдар в 17 лет командовал полком. «Тимур и его команда».

И был другой Аркадий Гайдар, тот, которого я знал по рассказам отца, бабушки, по многим любимым книгам.

Первый был такой коммунистический святой, рыцарь без страха, упрека и сомнений. Второй — храбрый, талантливый, несчастный человек, судьба которого отмечена трагедией революции и гражданской войны.

Сыну школьного учителя из Арзамаса было 13 лет, когда развалился царский режим в России и наступило жестокое и смутное время.

В разодранной надвое России логика жизни, происхождения толкнула его на сторону красных. Он крепко поверил в то, что коммунистическая идея — светлое будущее человечества. В 14 лет он ушел воевать, в 14 лет был впервые ранен. Через шесть лет, тяжело больной, контуженный, в чине командира полка уволен из Красной Армии.

Звучит очень романтично — в 17 лет командовал полком. Но при этом надо понимать, что такое гражданская война, какая страшная судьба, какая огромная тяжесть за всем этим стоит, сколько убитых тобой или по твоему

приказу — пусть даже во имя дела, которое тебе кажется правым, — твоих же соотечественников. Отец вспоминал, что дед всегда отказывался рассказывать что-либо о гражданской войне. Иногда, если очень настаивали, мог запеть какую-нибудь военную песню. В его поздних дневниках есть запись: «Сняты мне убитые мною в юности на войне люди». С таким детством и юностью немудрено стать мизантропом. А он стал писать поразительно светлые, талантливые книжки.

Иногда кажется, что действительно взрослость, ответственность пришли к нему слишком рано. У него просто не хватило времени наиграться. Пожалуй, больше всех из его книг люблю «Школу». А когда совсем недавно впервые посетил его родной Арзамас, понял и полюбил ее еще больше. К книгам деда не могу относиться отстраненно. В «Военной тайне» хорошо вижу его отношения с отцом, в «Голубой чашке» узнаю очень энергичный, но нелегкий характер бабушки. А наименее близка мне, наверное, книга «Тимур и его команда», уж больно правильный там Тимур.

Думаю, что дед всю жизнь, до своей гибели в 1941 году, продолжал верить в ту же коммунистическую идею, за которую ушел сражаться в 14 лет. Но с течением времени ему все труднее было ассоциировать эту идею с картинами реального советского мира. Отец говорит, что для деда тяжелейшей трагедией был арест ведущих военачальников гражданской войны, у которых он служил: Тухачевского, Блюхера. Он не мог поверить в их измену и одновременно в то, что обвинение ложно. Придумывал для себя самые фантастические объяснения. Примечательно, что ни в его прозе, ни даже в его журналистских публикациях и выступлениях по радио никогда ни разу не упоминался Сталин. Не знаю, было ли это осознанно. Но ясно, что Сталин был внутренне чужд светлой картине мира, за который Аркадий Гайдар готов был бороться.

Мироощущение деда было пронизано ожиданием приближающейся новой страшной войны. И потому свой долг писателя он видел в том, чтобы готовить юных читателей к предстоящим тяжелым испытаниям. Предстоит суровая схватка, все силы нужны на борьбу с врагом. Сейчас не до того, чтобы копаться в собственных, пусть даже очень серьезных сомнениях. И все-таки ближе к войне зазор между тем, во что он верил и что видел перед собой, становился все более очевидным.

Отец говорит, что ему казалось, война для деда в каком-то смысле была выходом. Она устраняла психологическую внутреннюю раздвоенность, вновь четко и определенно разделяла мир на друзей и смертельных врагов, требовала ясных решений, личного мужества, готовности умереть за дело, в которое веришь, не мучаясь сомнениями, а правое ли это дело.

Дед погиб в октябре 1941-го в партизанском отряде в бою с немецкими национал-социалистами, которых в России было принято называть

фашистами. Никак не могу понять, какое право имеют нынешние идейные наследники нацистов претендовать на моральное наследство Аркадия Петровича. И честно говоря, не могу представить себе деда после войны, в удушающей обстановке показного патриотизма, нарастающего антисемитизма, погромных литературных и музыкальных идеологических кампаний.

У моего отца Тимура Гайдара было своеобразное детство: одновременно и интересное, и сиротское.

С одной стороны, знаменитый, талантливый, неистощимый на выдумки отец, интеллигентная московская предвоенная компания, друзья, знакомые по писательскому Коктебелю, среди ближайших друзей братья Шиловские, сыновья генерала Шиловского и Елены Сергеевны Булгаковой. Уютный дом Михаила Булгакова и Елены Сергеевны, как мне кажется, для него навсегда остался образцом.

А с другой стороны, ранний развод родителей, арест отчима, потом мамы.

Когда началась война, отцу было 14. Как и другие подростки, он стремится попасть на фронт. Работа на военном заводе, с 16 лет — военно-морское училище, служба на Балтике на подводных лодках.

В это время молодой, еще очень наивный лейтенант Тимур Гайдар пишет письмо в теоретический орган партии, журнал «Большевик», с просьбой разъяснить ему причины расхождений между последними выступлениями Сталина и азбукой марксизма. Видимо, письмо попало в руки храброго и честного человека, может быть, помогла фамилия... Как бы то ни было, к счастью для лейтенанта, обошлось без последствий.

В 1952 году слушатель факультета журналистики Военно-политической академии Тимур Гайдар встретил Ариадну Бажову — преподавателя истории в Уральском университете, дочь известного писателя Павла Петровича Бажова. Ночью перед свадьбой он поведал ей, что считает Сталина предателем дела Ленина и социализма, но убежден, что святое это дело все равно победит. Мама поплакала, представила себе грядущую тяжелую судьбу, однако, хоть и была правоверной комсомолкой, замуж за старшего лейтенанта все-таки пошла и, насколько я знаю, ни разу об этом не пожалела.

Павел Петрович Бажов по судьбе, характеру во многом полная противоположность Аркадию Петровичу. Если от Гайдара в семье осталась страсть к приключениям, то от Павла Петровича — спокойная рассудительность и основательность. Мальчишка из семьи уральских горнорабочих как-то подошел к учителю и попросил что-нибудь почитать. Тот дал ему первый том Пушкина и сказал: выучишь наизусть, придешь за вторым. Когда Павел Бажов выучил наизусть все тома собрания сочинений, учитель решил, что парень он толковый и заслуживает покровительства.

Потом была Духовная семинария, учительская работа и на многие годы — страстное увлечение собиранием уральского фольклора.

В гражданскую войну Бажов, как и Аркадий Петрович, воевал на стороне красных. Потом была семья, семеро детей, учительство, журналистика. В 1938 году его исключили из партии и вызвали в НКВД. Бабушка Валентина Александровна собрала чемоданчик, и дед отправился по хорошо известному в Свердловске адресу. Однако к этому времени череда репрессий докатилась до самого НКВД, и в страшной системе начались сбои. Просидев несколько часов в приемной, Павел Петрович так и не дождался аудиенции. К счастью, не пошел узнавать по начальству, почему его вызывали и не принимают, тихо вышел, вернулся в свой дом на Чапаева, 11 и после этого больше года никуда из него не выходил. Большая семья жила на учительскую зарплату бабушкиной сестры Натальи Александровны, а дед работал в огороде и колдовал над своим любимым детищем — накопленной за десятилетия огромной картотекой уральского фольклора.

Спустя год с небольшим он прочитал бабушке и маме свои первые сказы. Полоса репрессий к этому времени пошла на убыль, деда восстановили в партии, вскоре он стал автором знаменитой книги «Малахитовая шкатулка».

...Калейдоскоп моих первых детских воспоминаний. Самое впечатляющее — это, конечно, Куба. Я попал туда в 1962 году, в канун Карибского кризиса, мне было шесть лет. Отец работал корреспондентом «Правды», оказался на Кубе еще во время событий на Плайя-Хирон, потом привез туда нас с мамой. Поразительно яркие воспоминания о революционной Кубе: еще работающая, не развалившаяся американская туристская цивилизация вместе с неподдельным веселым революционным энтузиазмом победителей, многолюдные митинги, песни, карнавалы...

Окно моей комнаты в отеле «Риомар» выходит прямо на Мексиканский залив, внизу плавательный бассейн, рядом с ним — артиллерийская батарея. Здание, в котором жили дипломаты и специалисты из Восточной Европы, периодически обстреливают. Наша батарея стреляет в ответ. Из окна виден лозунг в желтом неоне «Родина — или смерть!» и в голубом «Мы победим!». Уборщица ставит в угол автомат и берет швабру.

Прямо по траверсу — всегда американский разведывательный корабль. В разгар Карибского кризиса на горизонте дымное марево от судов 7-го флота. У нас дома друзья отца, советские военные из группы войск, переброшенных на Кубу. Они иногда берут меня с собой в казармы, дают лазить по танкам и бронетранспортерам. У нас дома в гостях Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара. Отец ездит с Че Геварой стрелять по мишеням из пистолета.

Куба с ее молодой революцией страшно интересна для левых всего мира. В Гаване много журналистов из соцстран. Чехословацкое телеграфное агентство представляет хороший приятель отца Ярослав Боучек. Они часто о чем-то спорят, я не понимаю. Зато очень дружу с его детьми — Петром и Ярославом, моими ровесниками.

С Брайаном Поллитом, английским экономистом, сыном одного из основателей Британской компартии, и его женой Пенни едем вместе в большое путешествие по Кубе на их «лендровере». На севере Ориенте, в одном из самых диких мест, мощная машина намертво застревает в болоте. В этом районе неспокойно. Отец и Брайан берут пистолет, идут искать подмогу. Второй пистолет оставляют мне, доверяя охранять женщин: маму и Пенни. Все строго в семейных традициях, убежден, и дед не смог бы отказаться от такой возможности воспитания в сыне храбрости. Часа через два они возвращаются, нашли негритянскую деревушку. Жители пригнали волов, вытаскиваем машину, потом спим в хижине за плотным марлевым покрывалом, страшно много комаров, прекрасно это помню.

...Вообще в нашей семье трусость, даже намек на нее, считалась самым страшным пороком. Отец прыгает с вышки бассейна, предлагает и мне сделать то же самое. Это приглашение не доставляет мне ни малейшего удовольствия. Однако прыгаю, больно шлепаюсь животом о воду, но делаю вид, что получаю невысказанное наслаждение.

Там же, на Кубе, первое знакомство с экономическими проблемами. В Гаване снабжение неважное, у нас дома на завтрак традиционный омлет из яичного порошка, слава богу, бабушка прислала его целый ящик с аэрофлотовским экипажем. Фрукты в магазине по карточкам. А в ста километрах от Гаваны они лежат гниющими горами. Перевезти их оттуда и продать здесь нельзя, это называется словом «спекуляция». Почему так, понять не могу. И никто объяснить этого не может.

Идет время, вижу, что отец в разговорах с кубинскими друзьями все чаще начинает раздражаться, все время говорит о каком-то нэпе. Возвращаясь домой, ругает идею экспорта революции. И это тоже пока далеко за пределами моего разумения. Я твердо убежден: Советский Союз, лидирующий в космосе, приходящий на помощь борющимся против империализма народам, — оплот мира и справедливости. Моя страна — самая лучшая страна в мире, за ней будущее, мы стоим за правое дело и в нелегкой борьбе его отстоим. Простой, веселый, романтический мир. Главное, не трусь, храбро бейся с врагами — и победа не заставит себя ждать.

Возвращаемся в Москву осенью 1964-го. У нас открытый дом, много гостей, приходят друзья отца: писатели, поэты, журналисты, военные. Часто бывают Ярослав Смеляков, Даниил Гранин, Юрий Левитанский, Давид Самойлов, Егор Яковлев, Григорий Поженян, Яков Аким, Лен Карпинский. Мне разрешают оставаться в комнате, слушать взрослый разговор, но ни в коем случае в него не вступать. Бурные споры о хозрасчете, рынке, рыночном социализме, необходимости экономических реформ, политических свобод.

Снят Хрущев. Объявлена косыгинская экономическая реформа. Отец и гости ее приветствуют, она, по их словам, дает надежду на лучшее. Никто

не ставит под сомнение социализм, речь идет о сталинских деформациях и их исправлении. Постепенно кое-что из сказанного начинаю понимать.

В 1966-м вместе с отцом и мамой уезжаем в Югославию. Отца назначают туда корреспондентом «Правды». Поразительно интересное по тем временам место. Югославия — единственная страна с социалистической рыночной экономикой. В 1965-м здесь существенно демократизирован политический режим, идут экономические реформы, вводится рабочее самоуправление. Страна поражает невиданным по советским масштабам богатством магазинов, открытостью общественных дискуссий, публичным обсуждением проблем, которое совершенно немыслимо у нас. Белград — небольшой, но на редкость уютный, интересный город. В советской школе, где я учусь, ребята из Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, ГДР, Кубы, Монголии. Настоящий интернациональный детский клуб, где мы живо интересуемся делами друг друга, тем, что происходит в наших странах. Впервые начинаю внимательно следить за экономическими новостями, вникать в те проблемы, с которыми столкнулись югославские реформы.

Югославия — шахматная страна, и шахматы надолго заняли важное место в моей жизни. Играть я начал с шести лет, а жизнь в этой стране предоставила мне возможность лично познакомиться с ведущими шахматистами того времени. В доме у нас бывали Спасский, Петросян, Смыслов, Бронштейн, Тайманов, Таль. Мне довелось наблюдать, как они между собой играют блиц. Суэтин и Тайманов снисходили до того, что играли и со мной, мальчишкой. В Югославии я играл в составе юношеской команды общества «Рад». Увлечение шахматами закончилось на втором курсе института, когда я понял, что они отвлекают от более серьезного увлечения — экономики.

Есть такой феномен — гиперюношеская память. Это необычно развитая память в юношеском возрасте. Что-то подобное было у Павла Петровича. Сегодня вижу эту особенность у моего младшего сына. Павлу абсолютно безразлично, что запоминать — номера телефонов в телефонной книге, таблицу умножения или сводки урожайности зерновых, оказавшиеся на моем столе. Видимо, это же было и у меня. Я довольно быстро заметил, что мне не составляет труда запомнить содержание просмотренного статистического ежегодника Югославии или случайно попавшегося учебника. На редкость удобное свойство для учебы в школе и институте. Потом, когда к двадцати годам эта способность начинает ослабевать, чувствуешь себя как без рук, будто в компьютере отказала оперативная память.

Отец, которому по наследству от деда досталась некоторая финансовая безалаберность, всегда тяготился отчетностью и бухгалтерией. Заметив, как легко мне дается все, что связано с цифрами, он повесил на меня, десятилетнего мальчишку, составление ежемесячного финансового отчета

корпункта. Не исключено, что и это повлияло в какой-то степени на мой выбор будущей профессии.

Однако тогда я еще буквально бредил морем и был убежден, что мне уготована морская служба, судьба флотского офицера. Интереснее этого, считал я, нет ничего на свете.

Летом на школьные каникулы меня обычно отправляли либо к бабушке Валентине Александровне в Свердловск, в дом Павла Петровича, либо к другой бабушке, Лии Лазаревне, которая снимала дачу под Звенигородом в деревне Дунино. Места исключительно красивые. Недаром Михаил Михайлович Пришвин, знаток и ценитель Подмосковья, выбрал себе для жилья именно эту деревню. Наша избушка как раз соседствовала с его дачей.

В бажовском доме в Свердловске все дышало уютом, видно было, что здесь жила большая дружная семья. Теперь семья разъехалась, остались лишь двое — бабушка и мой любимый старший брат Никита, которому контрабандой от родителей поставляю кубинские сигареты. В жизни мне пришлось сменить несчетное количество квартир, но, пожалуй, самое глубокое чувство дома навсегда осталось от маленького деревянного строения на улице Чапаева, окруженного садом, который посадил мой дед.

А в Дунино было очень весело, там большая, шумная детская компания, хорошие друзья, многие из которых потом останутся на годы. Там и моя первая детская любовь, девочка Маша с огромными загадочными глазами. Популярность братьев Стругацких в это время была немыслимая. Маша, дочка Аркадия Натановича, стеснялась этой славы и скрывала от нас свои родственные связи. Позднее, года через три нашей дружбы, я искренне изумился, узнав, что ее отец — один из моих самых любимых писателей. Между прочим, мои пылкие чувства в то время ее ни в малой мере не занимали. Если я и интересовал ее, так это только как своеобразный феномен, которому можно было задать самый неожиданный вопрос и получить точный ответ, ну, скажем, об урожае риса в Китае в 1965 году или о производстве стали в Люксембурге в 1967 году.

Потом, годы спустя, мы как бы вновь познакомились, имея за плечами каждый свою судьбу, не слишком удачные браки, детей. Маша вышла за меня замуж, у нас, наверное, самая счастливая семья из всех, что мне приходилось видеть в жизни. Только в последние годы Маша иногда грустит, говорит, что, выходя замуж за надежного внука Павла Петровича Бажова, совершенно не ждала от меня приключений в стиле Аркадия Гайдара.

С Аркадием Натановичем Стругацким мы впоследствии подружились. По-моему, он зауважал меня не как Машиного мужа, а просто как интересно-го ему человека, после одной из моих статей, в которой его привлек нестандартный подход к нашей экономике. Он же поражал меня парадоксальным сочетанием этакого политического инфантилизма с богатейшей интуицией,

выходившей далеко за границы возможного, способностью прогнозировать ситуацию далеко вперед. В 1970-е годы среди поклонников таланта братьев Стругацких существовала легенда, что на самом деле они инопланетяне, посланные в нашу цивилизацию. Должен сказать, что при общении с Аркадием Натановичем эта идея никогда меня окончательно не покидала. Впрочем, я несколько забегаю вперед.

А тогда Стругацкие действительно были для меня намного больше, чем просто писатели. «Понедельник начинается в субботу», «Трудно быть богом», «Обитаемый остров», многое-многое другое. Книги их во многом формировали мир, нормы поведения, цель в жизни. Смешно, но я действительно точно помню, что твердо решил разобраться в вопросах экономики и причинах инфляции, прочитав завершающую часть «Обитаемого острова». Там Странник говорит Максиму: «Ты понимаешь, что в стране инфляция? Ты вообще понимаешь, что такое инфляция?» Захотелось не быть дурнем и разобраться. Тогда впервые начал искать специальные книжки по экономике.

Летом 1968 года я был в Дунино. По газетам следил за тем, как развиваются события в Чехословакии. Утром 21 августа услышал о письме безымянной группы членов чехословацкого руководства и об «интернациональной помощи», которую оказывают Чехословакии войска Варшавского договора. Откровенная ложь официальной версии, аморальность происходящего бросались в глаза даже мальчишке. Что за чушь? Ну какие там войска ФРГ готовятся вторгнуться в Чехословакию? И что это за правда, которую навязывают народу с помощью танков?

Уютный привычный мир моего детства, где было все так хорошо и понятно, где была прекрасная добрая идея, красивая страна, ясные цели, вдруг дал трещину и начал рушиться. Детство неожиданно кончилось.

Знаменитый детский писатель Аркадий Гайдар, дед Егора Гайдара

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

П РА В Л Е Н И Е

Москва, ул. Воронского, д. 52

Тел. Д 2-14-21

№ *ОК-626*

14 июля 194 *1*

В ВОЕНКОМАТ

Красногвардейского р-на г.Москвы.

тов. Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович -
орденоносец, талантливый ~~писатель~~ писатель,
активный участник гражданской войны, бывш. ко-
мандир полка, освобожденный от военного учета
по болезни, в настоящее время чувствует себя
вполне здоровым и хочет быть использованным в
действующей армии.

Партбюро и Оборонная Комиссия Союза Совет-
ских Писателей поддерживают просьбу тов. ГАЙДАРА
(Голикова) о направлении
Комиссию на переосвидет

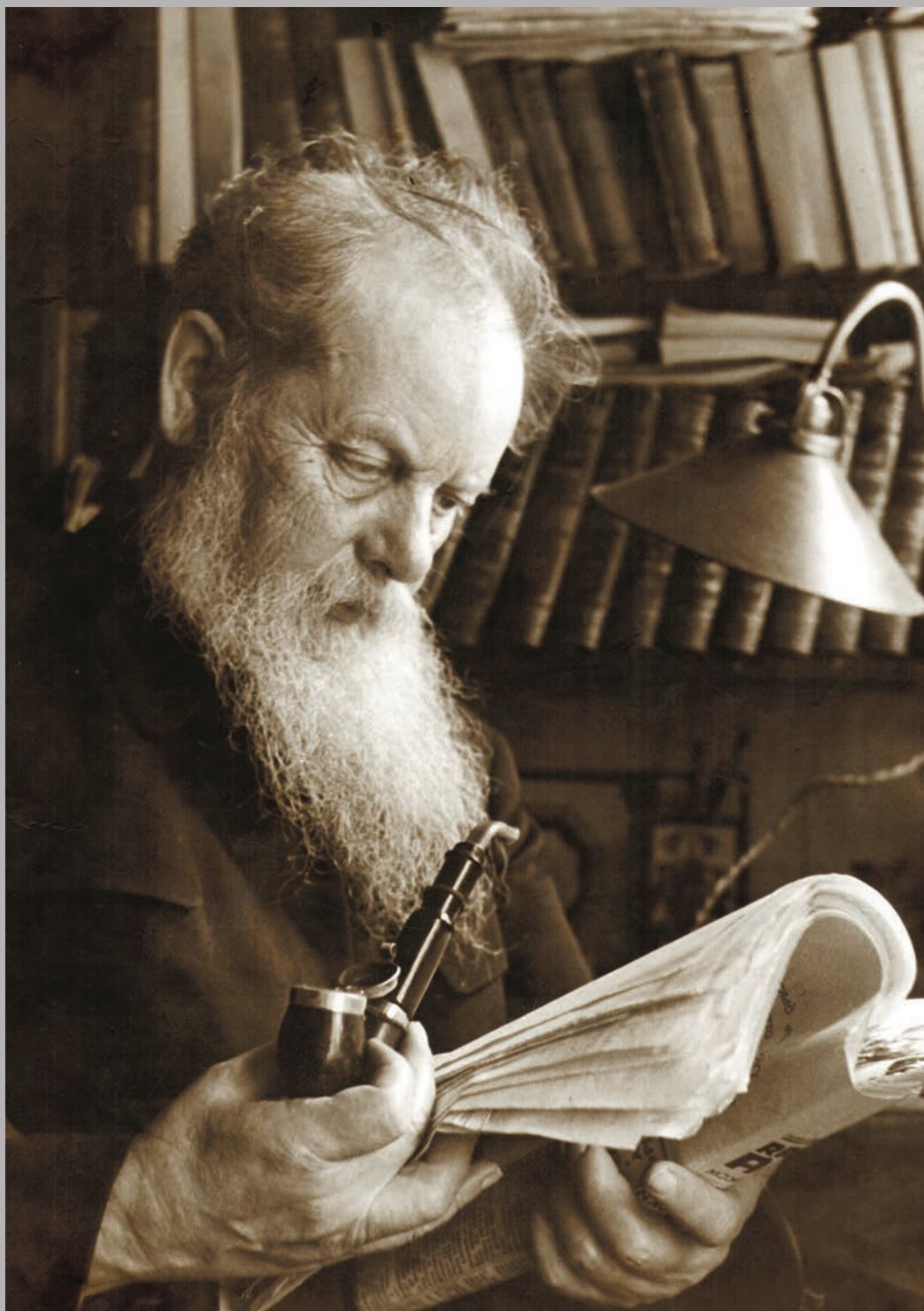
СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО С

Сла

ОТВ. СЕКРЕТАРЬ ОБОРОН
КОМИССИИ СП СССР

В 1941 году Аркадий Гайдар попросился
на передовую, попал в окружение и погиб,
спасая партизанский отряд от засады

Дед Егора Гайдара по материнской линии — писатель Павел Бажов

ПАВЕЛ БАЖОВ С ДОЧЕРЬЮ АРИАДНОЙ

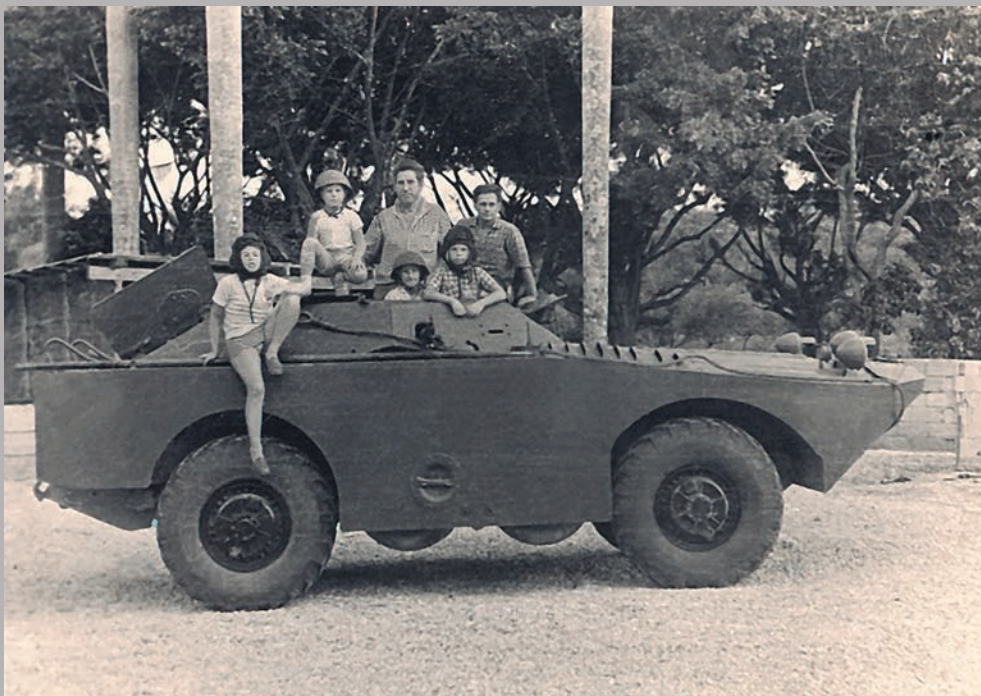
АРКАДИЙ ГАЙДАР С СЫНОМ ТИМУРОМ

/ БАБА-ЛЕР! Я
 ПРЕ^ИШЕ^{ЗЖ} А^И
 К НАМ
 И-НАПИШ^И
 ПАД^ИУ АВЕАСА
 АЕТЕ БЕ
 МОЕ-Р^И СХНАК

Кубинское детство Егора Гайдара

ЕГОР ГАЙДАР В РАСПОЛОЖЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ЧАСТЕЙ. КУБА, 1962 ГОД

РАУЛЬ КАСТРО И ТИМУР ГАЙДАР ВО ВРЕМЯ КАРИБСКОГО КРИЗИСА

Октябренок Егор Гайдар стал при Брежневe

На выпускной фотографии — Егор Гайдар с лучшими школьными друзьями

THE WEEKLY
MAGAZINE

ФЕВРАЛЬ № 4 1994

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ISSN 0131-0097

ЕГОР.
ТИМУР.
АРКАДИЙ.

ТРИ
ПРАВДЫ
О ТРЕХ
МИФАХ

ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ СЕМЬИ ГАЙДАРОВ

ГЛАВА I ДЕТСТВО

29

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

В поисках точки опоры

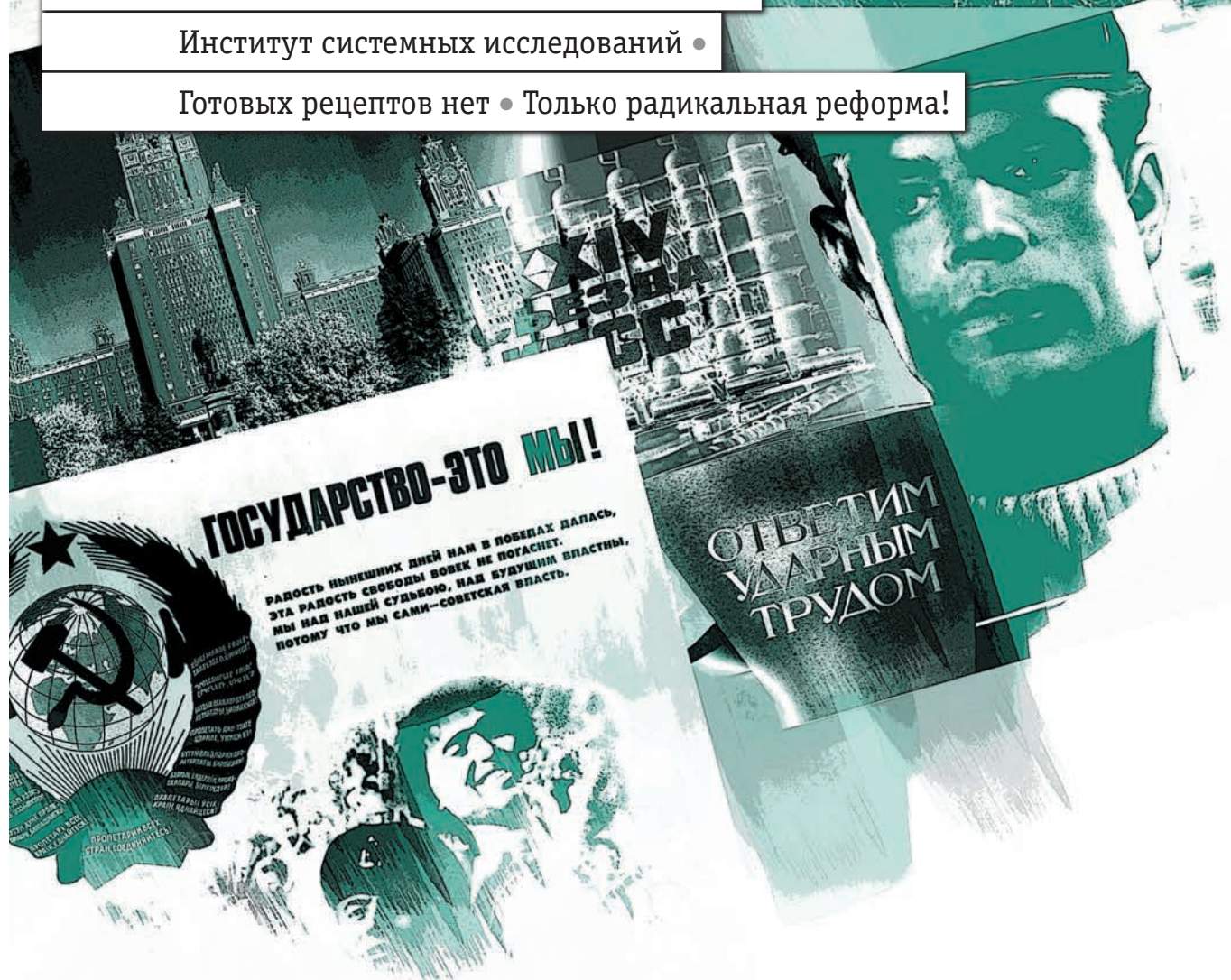
Знакомство с марксизмом • Адам Смит в подарок •

В мире запретной литературы • Кто виноват? И что делать? •

Московский университет • В лабиринтах социалистической экономики • «Рыночный социализм»? •

Институт системных исследований •

Готовых рецептов нет • Только радикальная реформа!

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

сень 1968-го. Снова Югославия. Белград встречает хмуро. В Сербии традиционно доброе отношение к русским, здесь их любят, пожалуй, больше, чем где бы то ни было в мире, может быть, за исключением Черногории. Сейчас, после пражских событий, настроение настороженное. Опасаются, что за вторжением в Прагу наступит очередь Югославии.

Мне хочется разобраться в том, что же произошло, в чем причины крушения уютного, светлого мира и справедливой идеи? Бросаюсь к книжкам. Именно тогда открываю для себя мир оригинального марксизма. Для многих моих современников знакомство с марксизмом прошло скучно, через школьное обществоведение, банальные, заезженные цитатки, поразительно унылые курсы исторического и диалектического материализма, нудную зубрежку.

Мне довелось открыть марксизм для себя по-другому — самостоятельно, следуя осознанному желанию разобраться в происходящем. Я помню, каким огромным событием стало знакомство с ним: «Коммунистический манифест», первый том «Капитала», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и особенно — том за томом работы Г.Плеханова. Приобретенные ранее разрозненные знания по истории, от Момзена до Ключевского, приобрели вдруг внутреннюю гармонию, сложились в единую, логичную, убедительную картину мирового развития.

В Югославии круг разрешенного чтения был существенно шире, чем в Советском Союзе. Роясь в книгах Бернштейна, Гароди, Шика, постепенно проделываю путь, естественный для горячего энтузиаста марксистской методологии, пытающегося применить его к социалистическим реалиям. Бюрократия как новый класс, вставшая над обществом, корни ее могущества в присвоении государственной собственности, противоречия между огосударствленной бюрократической собственностью и потребностями развития производительных сил, отсутствие стимулов к труду, инновациям — все это вырисовывается как важнейший экономический антагонизм бюрократического социализма.

Прочитанный «Новый класс» Милована Джиласа очень хорошо ложится на это формирующееся мировоззрение, подводит к осознанию необходимости покончить с монополией бюрократии на собственность. И перейти от бюрократического государственного социализма к социализму рыночному, базирующемуся на рабочем самоуправлении, широких правах трудовых коллективов, рыночных механизмах, конкуренции. А поскольку бюрократия по доброй воле собственность не отдаст, предстоит тяжелая борьба за нее. Борьба эта будет нелегкой, но успешной: ведь бюрократический социализм, это очевидно, неэффективен, он сковывает инициативу и самостоятельность людей, их свободу, а следовательно — и рост производительных сил. Все в точности по Марксу.

Но то, что кажется логичным в теории, на практике выглядит по-иному. Мне повезло, что я оказался в Югославии, ведь именно Югославия — полигон рабочего самоуправления и рыночного социализма. Хочу разобраться в перипетиях экономической реформы и понимаю бесконечную ограниченность собственных экономических знаний. Пытаюсь поправить дело. Старший брат Никита дарит книжку, ставшую любимой на десятилетия, двухтомник Адама Смита 1938 года, изданный в мягком переплете. Здесь другая — либеральная и тоже целостная — картина мира.

Достаю изданный в 1963 году небольшим тиражом базовый университетский учебник экономики, очень популярный в эти годы в Америке, да, пожалуй, и по всему миру — «Экономику» П. Самуэльсона. Убеждает прагматичный анализ и изложение закономерностей действия рыночных механизмов. И хотя остаюсь ортодоксальным марксистом в понимании закономерностей общественного развития, впервые закрадываются сомнения, а состоятельна ли микроэкономическая база «Капитала»? Или трудовая теория стоимости? Уж больно архаичны они в сравнении даже с упрощенным миром учебника Самуэльсона.

В Москве мне повезло: попадаю в школу № 152, лучшую из всех, в которых довелось учиться. Здесь необычно приятная, либеральная атмосфера. Литературу преподает Ирина Данииловна Войнович, моя любимая учительница, жена прекрасного писателя Владимира Войновича. Скучный, казенный курс русской литературы у нее становится живым, ярким. Сокращая до минимума время, отведенное учебным планом на изучение романа «Мать» Горького или «Любови Яровой» Тренева, Ирина Данииловна посвящает нас в российскую поэзию Серебряного века, вместе с нами обсуждает прозу М. Булгакова, ведет диспуты по произведениям А. Солженицына. В классе очень много интересных ребят. Мои ближайшие друзья — Витя Васильев и Юра Заполь. У нас тесная, дружная компания. У каждого есть свои сильные стороны. Виктор, впоследствии российский математик с мировым именем, показал мне, как надо щелкать задачи математических

олимпиад. Юра Заполь, во время реформ ставший одним из крупнейших предпринимателей рекламного бизнеса, тогда поражал меня способностью играть в шахматы «вслепую».

Вместе обсуждаем традиционные русские вопросы — кто виноват, что делать? В оценке брежневской действительности, идиотизма происходящего разногласий нет. Вопрос: можно ли что-нибудь изменить, если можно, то как? Идти в народ, клеить листовки, разворачивать пропаганду, готовить покушения на Брежнева и Андропова? Убедительных ответов нет. Постепенно приходит понимание, что советское общество при всем его видимом несовершенстве, при всем ханжестве идеологии, при очевидных экономических глупостях административной экономики на редкость устойчивая система, никакими булавочными уколами ее не поколебать.

В 1973 году поступаю на экономический факультет Московского государственного университета. Учиться и легко, и сложно. Стержень обучения, его основа — марксистская экономическая ортодоксия. К концу обучения студент-отличник должен знать близко к тексту три тома «Капитала», уметь жонглировать цитатами. Это, разумеется, не отменяет необходимости знать десятки других работ Маркса, Энгельса, Ленина, партийных документов. Суть задачи образования — подготовить специалистов, которые мастерски могут обосновать любые меняющиеся решения партии ссылками на авторитет основоположников марксизма-ленинизма. Учиться просто, потому что базовые работы я хорошо знаю. Цитаты отскакивают у меня от зубов, как «дважды два — четыре».

И вместе с тем все больше накапливается чувство дискомфорта, неудовлетворенности: искусство софистики, игра тезисами, идеологическая «гибкость» не дают ощущения состоятельности изучаемой науки. Спасает университетская библиотека, она открывает огромные возможности для самообразования. Рикардо, Милль, Бем-Баверк, Джевонс, Маршалл, Пигу, Кейнс, Шумпетер, Гэлбрейт, Фридман и многие, многие другие. Знакомство с первоисточниками не слишком поощряется, но и не возбраняется.

Постепенно к чувству удовлетворенности от прибывающих знаний приmeshивается сложное чувство осознания краха прежних, казалось бы, прочно устоявшихся убеждений, по швам трещит каркас сформировавшегося юношеского мировоззрения. Именно в это время выявляется несовершенство всей конструкции «Капитала», становится ясно, что в марксизме интересны не конкретные экономические рассуждения, а сама логика социально-исторического процесса. В этой области работы Маркса остаются убедительными.

Труднее принять другое. Когда начинаешь детально разбираться во внутренних несущих конструкциях рыночного социализма, понимаешь — работать все это по-настоящему эффективно не может. Как заставить предприятия, действующие в условиях рабочего самоуправления, создавать новые